

женіе состоянія твоего духа, наводитъ на меня мрачную тоску. Не могу себѣ вообразить болѣе ужаснаго состоянія. Ты пишешь, что живешь хорошо, доволенъ собою, понимаешь Гегеля, видишь свое мѣсто въ наукѣ; и въ то же время говоришь, что тебѣ не выйти изъ твоей односторонности, и что дѣйствительность закрыта и недоступна для тебя. Если ты правъ, ты долженъ бояться науки, ибо дѣйствительность знанія есть дѣйствительность жизни, но безъ послѣдней она порождаетъ (въ наукѣ) Тредьяковскихъ и Шевыревыхъ. Говорю тебѣ это смѣло, не имѣя желанія оскорбить тебя, но желая показать тебѣ собственное гвое противорѣчіе съ самимъ собою. Сказать правду, оно столько же радуетъ меня, сколько и трогаетъ: я вижу въ немъ начало благодѣтельнаго перелома, первый шагъ выхода изъ непосредственности. Тебѣ еще страшно взглянуть на свое положеніе прямыми глазами и называть вещь ея настоящимъ именемъ; но ты уже много пріятныхъ мечтаній принесъ въ жертву истинѣ. Я надѣюсь, что скоро кончатся и твои другія предубѣжденія, и ты убѣдишься, что если въ тебѣ что-нибудь было оскорбляемо мною, или кѣмъ другимъ, такъ это твое самолюбіе, а не твое человѣческое достоинство. Странно обвинять тебѣ меня въ томъ, что я не хотѣлъ и не могъ дѣлать съ тобою мечтаній и называть ихъ дѣйствительностью, а я знаю, что это и называешь ты *гонимыми*. Я способенъ принимать мечты за дѣйствительность, но я всегда жестоко наказывалъ себя за подобныя заблужденія и всегда имѣлъ силу плевать на свои пошленкія чувствованія. Теперь, слава Богу, кажется, я потерялъ навсегда способность къ дѣтскимъ увлеченіямъ. Я рѣшилъ, что самая мертвая, самая животная апатія лучше, выше, благороднѣе мечтаній и пошлыхъ чувствъ. Зато теперь я или въ апатіи, или если чувствую, то не имѣю причины стыдиться своего чувства. У меня теперь много ложныхъ мыслей и рефлексій, но нѣтъ ужъ пошлыхъ чувствъ. Вотъ, любезный Константинъ, истинная причина того, что ты называешь оскорбленіями и гониміями съ моей стороны—это разность нашихъ направленій. Я такъ думаю, хотя могу и ошибаться. Во всякомъ случаѣ, тебѣ не за что сердиться на меня: это отвѣтъ на твое письмо.

Теперь о Гоголѣ. Онъ великій художникъ, о томъ слова нѣтъ. Я и теперь не скажу, чтобы онъ былъ ниже В. Ск. и Купера, и не почитаю невозможнымъ, чтобы послѣдующіе его созданія не доказали, что онъ выше ихъ. Сверхъ того, онъ и ближе ихъ къ намъ, слѣдовательно, понятнѣе для насъ. Но онъ не русскій поэтъ въ томъ смыслѣ, какъ Пушкинъ, который выразилъ и исчерпалъ собою всю глубину русской жизни, и въ раны котораго мы можемъ влагать персты, чтобы чувствовать боль своихъ и врачевать ее. Пушкинская поэзія наше искупленіе, а въ созданіяхъ Гоголя я вижу только Тараса Бульбу, котораго можно равнять съ Вахисарайскимъ Фонтаномъ, „Пыганами“, „Борисомъ Годуновымъ“, „Моцартъ и Сальери“, „Скупой рыцарь“, „Русалка“, „Египетскія ночи“, „Каменный гость“. Въ формѣ всѣ художественныя произведенія равны, но содержаніе даетъ различную цѣнность: „Ричардъ II“, „Отелло“, „Гамлетъ“, „Король Лиръ“, „Макбетъ“, „Ромео и Юлія“ всегда будутъ выше „Венеціанскаго купца“, а „Тарасъ Бульба“ выше всего остальнаго, что напечатано изъ сочиненій Гоголя.

Засвидѣтельствуй мое искреннее почтеніе Сергѣю Тим. и всему твоему семейству. Будь здоровъ и счастливъ, да поскорѣ пріѣзжай въ

Питеръ. Панаевъ тебѣ кланяется. Языковъ также. Прощай. Твой В. Б.

Къ Н. В. Станкевичу.

Москва, съ 29 сентября до 8 октября 1839 г. 1).

„... Я понялъ, что у всякаго человѣка своя жизнь и свои личные интересы, а я, сверхъ того, во все это время находился въ ужасныхъ внутреннихъ передѣлкахъ, въ мучительныхъ процессахъ выхода изъ дѣтства въ мужество, со всѣми переруганьями, былъ истерзанъ, исколесованъ такъ, что на душѣ моей не осталось ни одной цѣлой струны, ни одного здороваго мѣста“...

„Способъ, какимъ ты рекомендуешь мнѣ Грановскаго, заставилъ меня смѣяться до слезъ: ароматъ твоей милой, непостижимо чудной непосредственности такъ и вѣялъ вокругъ меня. Портретъ Грановскаго вѣренъ какъ нельзя больше, ты великій живописецъ! Но опасеніе, что мы не сойдемся, которое невольно высказывается въ твоихъ словахъ, оказалось совершенно ложнымъ: мы сошлись какъ нельзя лучше и ближе, и безъ всякихъ прекраснотушныхъ восторговъ и натяжекъ, а совершенно свободно. Грановскій есть первый и единственный человѣкъ, котораго я полюбилъ отъ всей души, несмотря на то, что сферы нашей дѣйствительности, наши убѣжденія (самыя кровныя) — діаметрально противоположны, такъ что —блѣде для него, черно для меня, и наоборотъ... Да, это одинъ изъ тѣхъ людей, съ которыми мы всегда и тепло и свѣтло, и которые никогда не могутъ придти ко мнѣ не во время, но всегда —дорогіе гости. Но Боже мой! Можно ли быть противоположны въ своихъ убѣжденіяхъ, какъ мы и онъ. Чтѣ за сужденіе объ искусствѣ, что за вкусъ —верхъ идіотства! Уландъ выше Гейне, Шиллеръ... но погоди...“

„На Руси явилось новое могучее дарованіе —Лермонтовъ“.

„Какая образность! —такъ все и видишь передъ собой, а увидѣвъ разъ, никогда ужъ не забудешь! Дивная картина —такъ и блеститъ всею яркостью восточныхъ красокъ! Какая живописность, музыкальность, сила и крѣпость въ каждомъ стихѣ, отдѣльно взятомъ! Идя къ Грановскому, нарочно захватываю № 0. 3. („Отечественныхъ Записокъ“), чтобы подѣлиться съ нимъ наслажденіемъ —и чтѣ же? —снѣ предупредилъ меня: какой чудакъ Лермонтовъ —стихи гладкіе, а въ стихахъ чортъ знаетъ чтѣ — вотъ хоть его „Три Пальмы“ —чтѣ за дичь! —Чтѣ на это было отвѣчать? Спорить? —но я потерялъ уже охоту спорить, когда нѣтъ точекъ соприкосновенія съ человѣкомъ. Я не спорилъ, но, какъ майоръ Ковалевъ частному приставу, сказалъ Грановскому, разставивъ руки: „Признаюсь —послѣ такихъ съ вашей стороны поступковъ, я ничего не нахожу“ —и вышелъ вонъ. А между тѣмъ, этотъ человѣкъ, со слезами восторга на глазахъ, слушалъ „О царѣ И. В. молодомъ опричникѣ и удаломъ купцѣ Калашниковѣ“. Не значить ли это то, что у

1) Пыпинъ, I, 290—303, 225—226.

Это письмо могло бы составить цѣлую брошюру, говорить г. Пыпинъ. Оно вызвало письмомъ Станкевича и пріѣздомъ въ Москву Т. Н. Грановскаго. Бѣлинскій пишетъ, что на этотъ разъ причиной долгаго молчанія были новыя введенія въ его внутренней жизни; ему показалось было, что онъ пересталъ любить Станкевича, но вкорѣ успокоился отъ своего «прекраснотушнаго» опасенія.